УДК 811.511.13

Е. Н. Федосеева
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар

О коми-зырянских элементах в словарном составе мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка[1]

Основной особенностью мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка является наличие в нем языковых черт, объединяющих его с коми-зырянским языком и его диалектами. В статье рассмотрены коми-зырянские элементы на лексическом уровне. Предпосылки для их появления разные, но основными считаем контактирование и смешение населения на сопредельной территории, а также ситуацию диалектной непрерывности. Следует отметить, что влияние коми-зырянских диалектов на мысовско-лупьинские говоры намного существеннее, чем противоположное, которое почти отсутствует.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, мысовско-лупьинский диалект, особенности, коми-зырянский язык, контактная зона, заимствование.

Мысовско-лупьинский диалект коми-пермяцкого языка (по другой терминологии, мысовский и верх-лупьинский диалекты) расположен

[1] Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

в северной части территории распространения коми-пермяцкого языка. Он имеет несколько изолированное географическое положение, находится на большом расстоянии от основной части коми-пермяцких языковых разновидностей, отделен от них территорией, заселенной русскими. В настоящее время носители указанного идиома компактно проживают в п. Жемчужный, д. Мысы, д. Конопля, п. Кебраты, п. В. Будым, п. Шордын. До начала 80-х гг. XX в. на территории распространения данной языковой разновидности располагались и другие населенные пункты: д. Тошыб, д. Еныб, д. Пашкыб, в которых проживали носители мысовского говора; д. Верх-Лупья, д. Коса-Сотчём, д. Пурга, д. Харин, д. Шурга шор сай, д. Мёдгорт, в которых в основном жили верх-лупьинцы. От самой северной пермяцкой деревни до ближайшей коми-зырянской деревни Öська расстояние составляло 4 км.

На территории мысовско-лупьинского ареала самые ранние археологические памятники (городище, могильники, селище) относятся к родановской культуре X–XIII вв. Первые упоминания о данной территории относятся к 1579 г. [Кривощеков 1914: 549]. И. Я. Кривощеков указывал на особенности, отличающие население данной территории от остальных коми-пермяков, и отмечал, что «в местной литературе и в общерусской принято лупьинцев считать зырянами», хотя сам он этой точки зрения не придерживался [Кривощеков 1914: 550].

Этнографическая группа мысовских и лупьинских пермяков выделялась на фоне остальных коми-пермяков и всегда вызывала особый интерес. Достаточно подробная информация об истории изучения данной группы коми-пермяков представлена в монографии «Лупьинцы: история, культура, язык» [Лупьинцы 2011].

Язык мысовских и лупьинских пермяков также детально изучен. Эта специфика получила освещение в работах Т. Е. Уотила [ST 1985: 2–13], В. И. Лыткина [Лыткин 1955], Р. М. Баталовой [Баталова 1975], А. С. Кривощековой-Гантман и Л. П. Ратеговой [КПГ 1980], Л. Г. Пономаревой [Пономарева 2002; 2016]. Л. Г. Пономарева подробно рассмотрела фонетику и морфологию данного идиома, собрала большой корпус образцов речи носителей мысовского и лупьинского говоров [Пономарева 2002; 2016)]. Лексика мысовско-лупьинского ареала частично описана в нашей монографии [Федосеева 2015: 86–103].

Целью данной статьи является более подробный анализ зырянских элементов, присущих мысовско-лупьинскому диалекту. Эмпирической базой послужили исследования, посвященные данной языковой разновидности, а также материалы экспедиций 2001 и 2023 гг.

Важнейшей и основной особенностью мысовско-лупьинского диалекта является наличие языковых черт, объединяющих его с коми-зырянским языком и его диалектами. Языковые черты, имеющие соответствия в зырянских диалектах, выявляются на всех уровнях. В фонетике, напри-

мер, это преимущественная фиксация ударения на первом слоге (*солал* ‘посоли’, *пас'кӧм* ‘одежда’), варьирование *л* ~ полумягкого *l* в лупьинском говоре (*локны* ~ *lокны* ‘прийти, приехать’, *лэбалны* ~ *lэбалны* ‘летать’), спорадическое появление *в* в корнях (*воштыны* – кп. лит. *ӧштыны* ‘терять, потерять’, *ворсны* – кп. лит. *орсны* ‘играть’). На морфологическом уровне эта особенность проявляется в следующем: выражение принадлежности предмета 1 лицу индивидуального обладателя показателем *-ӧй* наряду с общекоми-пермяцким *-ӧ*: *понӧй* ‘моя собака’, *мамӧй* ‘моя мама’; использование форм исходного падежа при обозначении сравнительного значения: *деревн'аис' ыджыджджык* – ср. кп. *деревняся ыджытжык* ‘больше деревни’; функционирование местоимения *став* ‘все, всё’, образующего ряд форм; использование частицы *эськӧ* ‘бы’ для выражения условного значения; образование наречий при помощи суффикса *-ног* вм. кп. *-нёж*: *мӧдног* ‘по-другому, иначе’; наличие послелогов *чӧж* ‘во время’ (кп. *дырни*), *вӧсна* ‘из-за, по причине’ (кп. *понда*), также послелогов с основой на *кост-* ‘между’ (кп. *колас*); функционирование частиц *сӧмын* ‘только’ (кп. *тӧкӧ*), *весиг* ‘даже’ (кп. *нельки*), *нин* ‘уже’ (кп. *ни*) и т. д. Подобные явления обнаруживаются также на лексико-семантическом уровне. В мысовско-лупьинском диалекте широко функционируют, например, такие лексемы: *шан'* ‘хороший’, *с'ус'* ‘сообразительный, умный’, *гашкӧ* ‘может быть’, *с'икт* ‘деревня’, *гӧгӧрвоны* ‘понимать’, *гӧтыр* ‘жена’; семемы: *кӧсйыны* ‘желать, хотеть’ (кп. ‘обещать’), *кутны* ‘начать что-либо делать’ (кп. ‘взять, схватить’), *вес'калны* ‘попасть’ (кп. ‘выпрямиться’).

Условно говоря, все «коми-зырянские элементы» можно разделить на следующие группы: 1) слова, которые функционируют в мысовско-лупьинском диалекте и коми-зырянском языке, а в коми-пермяцком языке они считаются устаревшими, т. е. были заменены или утеряны; 2) лексические единицы, которые широко распространены в исследуемом ареале и в коми-зырянском языке, но отсутствующие в других коми-пермяцких диалектах; 3) слова, которые имеют в мысовско-лупьинском диалекте «коми-зырянскую» семантику, т. е. лексемы, функционирующие и в других коми-пермяцких диалектах, но в ином значении.

1. К первой группе относятся такие слова: *с'о* ‘сто’, *с'урс* ‘тысяча’, *кӧджс* ‘полуостров’, *з'эп* ‘карман’, *помалны* ‘закончить’ и др.

Например, лексема *с'урс* ‘тысяча’ функционирует в речи носителей мысовско-лупьинского диалекта. Данная лексическая единица широко употребляется в коми-зырянском языке: *сюрс* вв. печ. скр. сс. уд. ‘тысяча’ [ССКЗД 1961: 361], *сюрс* ‘тысяча’ [КРК 2000: 631], она характерна также для удмуртского языка: *сюрс* ‘тысяча’ [УРС 1983: 407]. Авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» реконструирован общепермский корень **s'urs* [КЭСК 1999: 275]. В коми-пермяцких диалектах в данном значении в настоящее время употребляется заимствование

из русского языка *тыс'эча* ‘тысяча’. Однако ранее данное слово имело, вероятно, более широкий ареал распространения, сейчас оно квалифицируется как устаревшее [КПРС 1985: 468].

Слово *помалны* ‘закончить’, зафиксированное в мысовско-лупьинском диалекте, имеет повсеместное распространение в коми-зырянском языке: *понавны* л. скр., *поналны* вс. лл. сс., *помалны* печ., *помалні* вв., *помооны* вым. иж., *помооні* вв., *помъявны* нв. уд., *помъёоны* вым. иж., *помъедны* нв., *понӧдны* вс. ‘кончать, кончить, оканчивать, окончить, заканчивать, закончить, доканчивать, докончить; завершать, завершить’ [ССКЗД 1961: 292]. В коми-пермяцком языке данная лексема в настоящее время практически не употребляется или мало употребительна, хотя на былое ее функционирование указывает то, что в работе «Коми-пермяцко-русскӧй словарь» с пометой «сев.» зафиксировано слово *пом* ‘конец’ и приведен пример *год пом* ‘конец года’ [КПРС 1985: 355], в словаре Н. Рогова: *пон* ‘конец, предел’, *пона* ‘имеющий конец’, *понаввыны*, *поналлыны* ‘оканчивать, заканчивать, завершать’, *понавны*, *поналны* ‘кончить, окончить, закончить’ и др. [Рогов 2006: 136]. Авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» представлены коми-язьвинские и удмуртские соответствия слову *пом*, приводятся общепермская и допермская формы [КЭСК 1999: 224].

Ареал распространения слова *кыз'* ‘двадцать’ в коми-пермяцком языке занимает территорию мысовско-лупьинских говоров. На остальной территории употребляется лексема *кыкдас* ‘двадцать’ и заимствование *двацэт'* ‘тж’. Лексема *кыз'* ‘двадцать’ повсеместно распространена в коми-зырянском языке: *кызь* ‘тж’ [ССКЗД 1961: 185], а также имеет соответствия в удмуртском языке: *кызь* ‘тж’ [УРС 1983: 239]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» приведена общепермская форма **küz'* ‘двадцать’ [КЭСК 1999: 150]. Широкое распространение исследуемой лексемы в близкородственных языках говорит в пользу того, что изоглосса *кыз'* имеет генетический характер возникновения. На остальной территории коми-пермяцкого языка она, вероятно, была заменена более поздней инновацией *кыкдас* и русским заимствованием.

2. Вторая разновидность слов представлена следующими примерами: *шан'* ‘хороший’, *став* ‘все, всё’, *гашкӧ* ‘может быть’, *гӧгӧрвоны* ‘понимать’, *рушку* ‘живот’, *кон'ӧр* ‘бедный, жалкий’, *скӧр* ‘злой, сердитый’, *эс'кӧ* ‘бы’, *аски* ‘завтра’ и многие другие. Они широко распространены в коми-зырянском языке, но отсутствуют в коми-пермяцких диалектах.

Например, лексема *видлыны* встречается в мысовско-лупьинских говорах со значением ‘попробовать, попытаться’. В других говорах коми-пермяцкого языка в данном значении употребляются слова *пондылны* // *пондывны* ‘попробовать, попытаться’ и русское заимствование *попробуйтны* ‘попробовать, пробовать’. Лексема *видлыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *видлыны* вс. лл. нв. печ. скр. сс., *видліні* вв.,

видлывны уд., *визьлыны* вым. иж. ‘пробовать, попробовать; отведать; вкушать, вкусить; навестить, посетить, проведать’ [ССКЗД 1961: 49]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» отмечено: «Может быть, (в словах. – *Е. Ф.*) *видлыны* < **визьлыны* < **видзлыны*, *дз* (*зь*) перешло в *д* под ассимилятивным влиянием *л*, ср. *визьлыны* вым. иж. ‘пробовать’; тогда данное слово одного корня с *видзны*» [КЭСК 1999: 56].

Слово *гӧгӧрвоны* ‘понять, понимать; сообразить, соображать’ в коми-пермяцком языке имеет мысовско-лупьинский ареал распространения. В остальных говорах северного и южного наречий в данном значении употребляется слово *вэжӧртны* ‘тж’. Данная лексема широко распространена в коми-зырянском языке: *гӧгӧрвоны* вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд., *гӧгервоны* иж., *гӧгервоні* вв. ‘понимать, понять; догадаться, сообразить’ [ССКЗД 1961: 86]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» отмечено, что указанное слово состоит из элементов *гӧгӧр* ‘кругом’ и *воны* ‘прийти, дойти’; первоначально оно обозначало ‘кругом (всесторонне) дойти (до сознания говорящего)’, то есть ‘всё воспринять, всё взять’ [КЭСК 1999: 79–80]. Считаем, что анализируемая лексема является коми-зырянской инновацией.

Сюда же можно отнести и заимствования из русского языка, встречающиеся в речи носителей мысовско-лупьинского диалекта, в частности: *гач* ‘штаны’, *пл'эш* ‘лоб’, *пач* ‘печь’, *д'эрт* ‘конечно’, которые повсеместно употребляются в коми-зырянском языке, но не фиксируются в других коми-пермяцких диалектах.

3. К третьей группе отнесены слова, встречающиеся в мысовско-лупьинском диалекте, а также функционирующие в других коми-пермяцких диалектах, но с иным значением: *кӧсйыны* ‘желать, хотеть; обещать’; *кутны* ‘начинать; держать’; *вэс'калны* ‘попасть; выпрямиться’ и др.

Так, слово *кӧсйыны* ‘хотеть, желать’ употребляется в мысовском говоре, а также в речи бывших жителей д. Верх-Лупья. В остальных говорах северного наречия, также в южном наречии значение ‘хотеть’ передается лексемой *мӧдны*: *мӧда вэтлыны* ‘хочу сходить’ или с помощью частицы *бы*: *с'ойа бы* ‘хочу кушать’. В коми-пермяцком литературном языке слово *кӧсйыны* имеет значение ‘обещать, пообещать; сулить посулить’ [КПРС 1985: 194], что присуще также и мысовско-лупьинскому слову *кӧсйыны*. Таким образом, исследуемая лексическая единица в мысовско-лупьинских говорах имеет два значения: 1. ‘обещать, пообещать; сулить, посулить’; 2. ‘хотеть, желать’. Данное слово употребляется и в коми-зырянском языке, где также имеет два значения: *кӧсйыны* 1. вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс., *кӧсйины* нв., *кӧсйині* вв. ‘обещать, сулить’; 2. вс. лл. печ. скр. сс., *кӧсйины* нв., *кӧсйині* вв. ‘желать, намереваться, хотеть’ [ССКЗД 1961: 173].

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» приводится общепермский корень указанной лексемы [КЭСК 1999: 143]. К. Редеи про-

исхождение этого слова относит к финно-пермскому периоду и реконструирует праформу **käske-* ‘приказывать, повелевать’ [UEW 1988: 653]. Изолекса *кӧсйыны* охватывает коми языки полностью и является генетической по характеру возникновения, а семантическая изоглосса ‘хотеть’ распространена только в мысовско-лупьинских говорах коми-пермяцкого языка и коми-зырянском языке.

Из вышеизложенного видно, что в мысовско-лупьинском диалекте действительно много так называемых «коми-зырянских элементов». Р. М. Баталова отмечала, что «мысовский и верх-лупьинский диалекты являются смешанными: в них имеются черты, сходные с коми-зырянскими диалектами» [Баталова 1975: 220], перечисляла эти черты в отдельности, однако не указывала причины подобных явлений.

Л. Г. Пономарева, подробно проанализировавшая особенности мысовско-лупьинского диалекта, видела их предпосылку в географическом положении: «На севере исследуемый диалект граничит с эловыми говорами верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка, на юге – с говорами косинско-камского диалекта севернопермяцкого наречия, на западе и востоке – с территорией, заселенной русскими. Занимая такое географическое положение, мысовско-лупьинский диалект вобрал в себя языковые явления, свойственные и севернопермяцким диалектам, и коми-зырянским диалектам, главным образом, верхневычегодскому диалекту» [Пономарева 2002: 170]. Кроме того, она отметила, что лупьинский говор, который был севернее и ближе к коми-зырянскому языку, «сильнее, чем мысовский говор, испытывал влияние со стороны эловых говоров верхневычегодского диалекта», вследствие чего в нем проявляется зырянских черт больше, чем в мысовском [Пономарева 2002: 176].

В результате анализа лексики мысовско-лупьинского диалекта нами было отмечено, что мысовско-лупьинско-коми-зырянские изоглоссы носят ареальный характер, т. е. словарные единицы являются заимствованными в результате контактов на сопредельной территории. Мы не исключали версии их возникновения и в результате ареально-генетических связей, так как «мысовский и лупьинский говоры являются территориально близкими с коми-зырянскими языковыми разновидностями, но отдаленными от остальной части распространения коми-пермяцкого языка» [Федосеева 2015: 102].

Предпосылки для появления «коми-зырянских элементов» в мысовско-лупьинском диалекте могли быть разными:

1) контактирование и смешение населения на сопредельной территории. До сих пор носители диалекта говорят о том, что имели место смешанные браки, гостевание по различным праздникам; общие или граничащие друг с другом сенокосные и охотничьи угодья и прямые контакты во время этих работ. Лингвистическое контактирование является

следствием этнического контактирования. «Явление контактирования, сопровождающееся определенными языковыми последствиями, – одна из тех проблем, где наиболее очевидно и осязаемо история языка переплетается с историей народа» [ВЛА 1980: 203];

2) вероятно, имеет место также ситуация диалектной непрерывности, при которой соседние говоры (или диалекты) имеют минимальные различия, но чем дальше находятся друг от друга звенья «диалектной цепи», чем больше различий между ними. В нашей ситуации влияние коми-зырянских диалектов на мысовско-лупьинские говоры намного существеннее, чем противоположное, которое почти отсутствует. Возможно, потому, что сам мысовско-лупьинский диалект, считающийся пермяцким, территориально находится ближе к зырянскому континууму (с которым граничит), чем к пермяцкому.

Таким образом, мысовско-лупьинский диалект является своеобразной переходной зоной от коми-зырянского языка к коми-пермяцкому, совмещая в себе пермяцкие черты и большое количество коми-зырянских элементов.

Сокращения

вв. – верхневычегодский диалект коми-пермяцкого языка; вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка; вым. – вымский диалект коми-зырянского языка; д. – деревня; иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка; кп. – коми-пермяцкий язык; л. – лузский говор лузско-летского диалекта коми-зырянского языка; лит. – литературный язык; лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка; нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; п. – поселок; печ. – печорский диалект коми-пермяцкого языка; повс. – повсеместный; сев. – северное наречие; скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; ср. – сравните; сс. – среднесысольский диалект коми-пермяцкого языка; тж. – тождественный; уд. – удорский диалект коми-пермяцкого языка.

Литература

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

ВЛА 1980 – Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. Л.: Наука, 1980. 272 с.

КПГ 1980 – Кривощекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1980. 69 с.

КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русскӧй словарь. М.: Рус. яз.,1985. 620 с.

Кривощеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 825 с.

КРК 2000 – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

КЭСК 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

Лупьинцы 2011 – Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык: этнолингвистический сборник. Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2011. 142 с. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII).

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.

Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 206 с.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки Народов Мира, 2016. 514 с.

Рогов 2006 – Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2006. 430 с.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар, 2015. 196 с.

ST 1985 – Syrjänische Texte. Komi-permjakisch. Gesammelt von T. E. Uotila. Bd. I. Helsinki, 1985. 297 S.

UEW 1988 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 S.